

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ

САЯКБАЕВ Н. А. , соискатель университета «Туран»

V. Относительно волевых моментов среди всех отношений представительства можно распределить, что в одних случаях представляемый может определить (поручить), каким *конкретно* образом следует действовать представителю, и, следовательно, *только на это конкретное действие* представителю дается правомочие действовать от имени представляемого. В этих случаях у представителя свобода выбора своего поведения предельно ограничена и, соответственно, элемент доверия задвигается на задний план. В других случаях представляемый (а также законодательство или суд) доверяет представителю замещать его волю, давая представителю свободу выбора им действий от имени представляемого (либо свободу выбора дать согласие на совершение сделки или нет). И тогда появляется социальная ответственность представителя за осуществление своих правомерных действий - действия представителя должны осуществляться исключительно в интересах представляемого. Представитель, как предполагается, должен действовать так добросовестно, как если бы стороной в возникающем правоотношении был он сам.

Таким образом, в отношениях представительства можно наблюдать фидуциарные отношения, выражаемые в том, что представляемый *доверяет* представителю действовать от имени первого. Такое доверие всегда можно видеть, когда представительство оформляется доверенностью (сделкой). Если же представительство основано па законодательном предписании, тогда законодатель предполагает, что доверие имеет место в силу наличия особой связи между представителем (например, родителем) и представляемым (например, несовершеннолетними детьми). То же самое и в случаях, когда представительство основано на судебном решении.

Вообще, по логике вещей, фидуциарные отношения должны означать: *добросовестность* представителя включает в себя то, что его действия осуществляются *в интересах принципала*. Доверие представителю может налагать на него обязанность действовать таким образом, чтобы это было в интересах представляемого и не против его интересов. Таким образом, здесь можно видеть не только юридически обеспеченную субъективную возможность (право) представителя действовать от имени представляемого, но и его *обязанность осуществлять свое право надлежащим образом*. Когда доверенность оформляется договором или сопровождается договором, налагающим на представителя обязанности, тогда вопросов относительно того, что представитель имеет обязанности, не возникает. Однако для

доверенности, оформляемой только как односторонняя сделка, на первый взгляд кажется, что обязанность представителя налагается на него только волей другого лица - волей представляемого, что явно противоречит принципам гражданского права. И к этому вопросу мы вернемся немного позже.

А сейчас мы хотим обратить внимание на те случаи представительства, когда свобода действий представителя велика настолько, что представитель может осуществлять свои действия без обязанности действовать в интересах представляемого. К таким примерам можно отнести все формы *использования чужого имущества* на основании представительства, включая вождение автомобиля по доверенности. И, во-вторых, сюда относятся примеры распоряжения (или приобретения) государственным предприятием или учреждением имуществом принадлежащим их участникам.

Пользование есть осуществление своего интереса, и потому использование имущества всегда в интересах пользователя, и пользование не может осуществляться в интересах другого лица. А это значит, что осуществление пользования от имени другого лица не стыкуется с третьим признаком представительства, согласно которому действие представителя осуществляется в интересах представляемого. Нельзя говорить, что лицо А от имени лица Б осуществляет «право пользования».

«Право пользования» - вообще некорректное словосочетание, ведь пользование как таковое представлено процессом, где вещь воздействует на субъект, удовлетворяя те или иные его потребности. А правомочие - это в первую очередь незапрещение и разрешение определенных действий субъекта. Пользование не есть действие, хотя и может быть опосредовано им (не всегда), и значит нельзя говорить о праве пользования. Итак, мы не можем говорить о праве пользования, здесь речь может идти о законном интересе использовать имущество и о свободе пользования как о мере юридической обеспеченности соответствующего интереса. И представительство в отношении пользования неуместно, ведь фактически здесь *отсутствует осуществление субъективного права от имени другого лица*. Термин «право пользования» используется на протяжении десятилетий, и видные ученые против него не возражают.

Отсюда следует поставить вопрос: должны ли быть особо отрегулированы отношения пользования попечителями и опекунами имуществом, принадлежащим лицам с неполной дееспособностью? По всей видимости, да. *Пользование попечителями и опекунами (а равно и родителями, и усыновителями) не должно быть основано на представительстве*. И значит, вопрос пользования указанными лицами имуществом недееспособных должен решаться отдельно для каждого

конкретного случая. К примеру, явно нет необходимости наделять возможностью пользования имуществом подопечных лечебные учреждения, под попечительством которых находятся недееспособные дети. В то же время в некоторых случаях может быть необходимым, чтобы какой-то свободой пользования имуществом подопечного обладал опекун лица, признанного судом недееспособным вследствие душевной болезни.

Теперь относительно доверенности на управление автомобилем. На практике распространены случаи, когда предоставленная собственником другому лицу возможность личного пользования автомобилем оформляется доверенностью. Этому есть веские причины и заключаются они в *особенностях (или странностях) правоприменения* исполнительными органами государства. «Строго говоря, арендатор не является поверенным. Отношения между арендодателем и арендатором регулируются двусторонним договором аренды (основной сделкой). Однако вряд ли такой договор, пусть даже удостоверенный, будет рассмотрен госавтоинспекцией как надлежащее доказательство того, что арендатор имеет право находиться за рулем этой машины. Поэтому, как правило, выдастся еще и доверенность, которая в данном случае - лишь формальное «удостоверение».

Вообще, предоставление собственником своего имущества в пользование другому лицу правильнее оформлять, например, договором имущественного найма. А осуществления пользования по доверенности, как мы отмечали, быть не может. Тем не менее оно существует на строго законных основаниях. Доверитель вправе доверить доверяемому не только управлять автомобилем, но и распоряжаться им вплоть до отчуждения, в зависимости от условий доверенности. В то же время применять доверенность нужно тогда, когда собственник поручает поверенному совершить те или иные действия, например, перегнать автомобиль из одного города в другой. В соответствии с этим и нужно подходить к регулированию рассматриваемых отношений.

Если органы внутренних дел стремятся ограничить возможность управления автотранспортом несобственниками до случаев управления, осуществляемого на основании письменной сделки (нотариально заверенной и зарегистрированной), тогда в качестве надлежащего основания управления автомобилем должны признаваться не только доверенность, но и другие сделки. И для случаев, когда несобственник управляет автомобилем от своего собственного имени (например, при аренде машины), доверенность применяться не должна.

Теперь мы обратимся к другим примерам, когда «свобода действий представителя велика настолько, что представитель может осуществлять свои действия без обязанности действовать в интересах представляемого». Здесь имеются в виду отношения государственного предприятия или учреждения по поводу имущества, принадлежащего на

праве собственности участникам юридического лица. Юридическое лицо, реализуя имущество, принадлежащее участнику, действительно не обязано действовать в интересах собственника. Но все же мы предполагаем, что действия юридического лица осуществляются, в том числе и в интересах учредителя (участника).

Фактически любое юридическое лицо *представляет* своих участников в том широком смысле слова, что именно из личности каждого участника выделена, обособлена, юридическая личность организации и эта организация всей своей деятельностью представляет интересы группы участников. Становясь участником юридического лица, учредитель считает, что *в его интересах* будет осуществляться деятельность организации. предполагается, что интересы юридического лица *совпадают с интересом его участника*. Потому нет необходимого, при осуществлении представительства (теперь - в точном юридическом смысле слова) госпредприятием или учреждением своего участника в закреплении юридической обязанности действовать в интересах собственника. Здесь совпадение интересов юридического лица с интересами участника обеспечивается нормами организационно-правовой формы.

Итак, представитель во всех случаях действует в интересах представляемого, и даже тогда, когда он правомочен действовать в интересах своих или в интересах другого лица (выгодоприобретателя при соответствующем поручении учредителя доверительного управления), предполагается, что действия совпадают с интересом представляемого.

VI. Субъективное право в обязательственных правоотношениях, помимо моментов, выражающих юридически обеспеченную свободу поведения, также сопряжено с наложенной на управомоченное лицо обязанностью принять исполнение, то есть надлежало воспользоваться своим правом (ст. 268 ГК РК). С позиций выделения в субъективном праве отдельно указанной обязанности мы постараемся рассмотреть некоторые моменты в субъективном праве, в частности, представителя.

Во-первых, следует отметить, что гражданское право, в принципе, допускает случаи наделения лица субъективными правами по воле других лиц и без выраженной воли на это управомоченного, например, случаи наделения лица правами наследника по завещанию, субъективными правами по договору в пользу третьего лица, правами осуществлять действия от имени доверителя и другое. Здесь представление субъективного права другому лицу само по себе еще не налагает на последнего обязанности. И выражение воли (согласия) на такое управомочивание от этого лица не требуется. Но если субъективное право включает в себя обязанности для управомоченного субъекта, то в этих случаях для приобретения им

субъектного права обязательно требуется выражение его воли. Здесь должен иметь место договор с участием и обязанного, и управомоченного. Например, для приобретения права собственности или прав участника юридического лица нужно выражение воли на это приобретающего субъекта.

И в самом деле, наделение лица какими-либо обязанностями по воле только лишь других субъектов противоречило бы духу и принципам гражданского права. В силу этих принципов субъективные права лиц, управомоченных односторонней сделкой и без их воли, не предполагают для них обязанности надлежащего исполнения этих прав. Так, представитель по доверенности, выданной доверителем без согласия на то поверенного, в принципе, не обязан выполнять действия от имени доверителя. Точно так же, к примеру, и третье лицо, в пользу которого заключен договор между сторонами (ст. 391 ГК РК), без выражения на то своей воли не обязано пользоваться приобретенным субъективным правом, а также лицо, получившее оферту, хотя имеет право, но не обязано давать акцепт на оферту.

Однако может быть так, что мы сможем наблюдать вместе с доверенностью и договор поверенного и доверителя, согласно которому у поверенного есть обязанность осуществить от имени представляемого те или иные действия (ст. 846 ГК РК). Здесь наблюдается воля управомоченного поверенного принять обязательство, вместе с этим наблюдается и обязанность представителя осуществить свое право надлежаще. Статьей 170 ГК РК предусмотрена возможность поверенного и доверителя отказаться от доверенности (отменить ее). Выдача доверенности относится к односторонним сделкам, поэтому лицо, выдавшее доверенность может во всякое время отменить доверенность или передоверие, а лицо, которому выдана доверенность, отказаться от нее. Однако для случаев, когда имеет место договор между поверенным и доверителем, законодательство предусматривает исключение из этого правила. Так, предусмотрена гражданско-правовая ответственность, в частности возмещения убытков, причиненных вследствие неисполнения договора в результате отказа (отмены) от доверенности. Таковую ответственность несет доверитель в случае прекращения договора с поверенным, действующим в качестве предпринимателя, и поверенный в случаях отказа, когда доверитель лишен возможности иначе обеспечить свои интересы, а также, если поверенный действует в качестве предпринимателя (п. 2, п. 3 ст. 853 ГК РК). Потому следует внести соответствующее изменение в п. 2 ст. 170 ГК РК.

Говоря об обязанностях представителя использовать свое право, мы должны видеть и отделять друг от друга обязанность вообще выполнить от имени доверителя те или иные поручаемые действия и также обязанность выполнять эти действия в интересах доверителя, т.е.

его обязанность *осуществить свое право надлежащим образом*. По описанной выше логике, доверенность в форме односторонней сделки не вызывает таких обязанностей у поверенного. А возможность отказа поверенного от доверенности может нам указывать на то, что *при отсутствии воли представителя* на совершение действий от имени доверителя представитель *не будет нести обязанность* исполнения этих действий. Соответственно, с другой стороны, *наличие у представителя обязанности* надлежащего осуществления правомочных действий может указывать на *наличие его выраженной воли, на осуществление этих действий*.

Однако даже в тех случаях, когда доверенность письменно оформлялась в форме *односторонней сделки*, мы можем видеть, что представитель, осуществляя действия от имени доверителя, *обязан* выполнить их *надлежаще*, то есть в интересах представляемого. И здесь мы зададимся вопросом: когда же представитель выразил свою волю осуществить свое право, выступить от имени представляемого и выполнить поручаемые действия? Во всяком случае, его воля была выражена тог да, когда он фактически предпринял действия от имени представляемого. Осуществление действий можно рассматривать как акцепт на оферту, которой одновременно являлась доверенность, и, соответственно, как принятие обязанности. Итак, *если представитель осуществляет правомочные действия, тогда у него есть обязанность осуществлять их надлежащим образом*.

VII. Здесь можно видеть различное состояние субъективного права представителя на разных стадиях. До осуществления правомочных действий (или иного выражения своего согласия на осуществление действий) у представителя есть субъективное право без обязанности воспользоваться этим правом. После такого выражения своей воли представитель в своем субъективном праве приобретает и обязанность пользоваться правом надлежащим образом. Теперь субъективное право приобретает свою законченную форму. Аналогично этому можно наблюдать две стадии и в отношениях, когда сторонами заключается договор в пользу третьего лица. Здесь диспозитивной нормой установлено: после того как лицом было выражено намерение воспользоваться своим правом по договору, изменение и расторжение договора может осуществляться *только с согласия этого третьего лица* (п. 2 ст. 391 ГК РК). В этом случае, если смотреть на субъекты договора по признаку выражения ими своей воли, после выражения третьим лицом своего намерения воспользоваться правом (выражения воли) к числу сторон договора присоединяется это третье лицо. При таком подходе становится вполне объяснимым требование об обязательном наличии согласия третьего лица па изменение и расторжение договора.

Следовательно, из этого можно выявить, что признаки субъективного права как составляющего обязательственное правоотношение в смысле статьи 268 ГК РК, где кредитор обязан принять от должника исполнение, возникают только после того, как управомоченное лицо вступило в договор выражением своей воли воспользоваться правом. А в отношениях, когда управомоченное третье лицо еще не выражало своего намерения воспользоваться правом, у него нет обязанности принять исполнение.

Точно так же, на наш взгляд, две стадии существования субъективного права можно наблюдать и во всяких отношениях оферента и акцептанта. Так, оферент с момента получения оферты другим лицом уже связан офертой, и субъективное право лица, получившего оферту, дать на нее акцепт реально обеспечивается юридически (п. 2 ст. 395, п. 1 ст. 397 ГК РК). А в момент акцепта оферты акцептант приобретает обязанности принять исполнение по всем своим правам и надлежаще совершить всякие действия по договору, в том числе и те, осуществление которых послужило акцептом на оферту (п. 3 ст. 396 ГК РК).

Здесь может возникнуть вопрос: как правильно подходить к этой ситуации? Или у лица, получившего оферту, уже до акцепта оферты существуют субъективные права, выраженные в оферте, по только эти субъективные права пока еще без обязанности принять исполнение. Или же у лица, получившего оферту, существует только право дать акцепт на оферту и, значит, только лишь право приобрести эти субъективные права.

В отношении, например, доверенности и договора в пользу третьего лица мы можем говорить, что и в том и в другом случае у представителя или третьего лица субъективные права совершить те или иные действия существуют уже до выражения ими своей воли принять эти права. В этих случаях субъективные права фактически уже предоставлены им доверителем или сторонами, заключившими договор в пользу третьего лица. И представление субъективных прав оформлено надлежащим образом.

Ну а как же в отношениях оферента и акцептанта? Существуют ли у последнего субъективные права по договору уже до конца акцепта? С одной стороны, договор до акцепта еще не является заключенным, с другой, воля оферента уже выражена надлежащим образом, и для вступления в силу договора в надлежащей письменной форме достаточно лишь выполнения акцептантом действий по этому договору. Таким образом, акцептант уже до акцепта имеет не только право выразить свое согласие заключить договор, но и право осуществить те или иные действия (а оферент уже несет обязанности, он связан офертой). На наш взгляд, оферта являет собой надлежаще выраженную волю одной из сторон

потенциального договора предоставить контрагенту субъективные права и принять обязанности. И до истечения срока оферты она может рассматриваться как односторонняя сделка. А в случае акцепта, в том числе в случае исполнения контрагентом своих прав и обязанностей, предписанных офертой, оферта трансформируется в договор.

Таким образом, во многих случаях мы можем видеть, что субъективное право, так же как и субъективное право представителя по доверенности, претерпевает изменения и трансформируется из субъективного права без обязанности его надлежащего использования в субъективное право с такой обязанностью.

Следовательно, мы можем сделать вывод и о понятии субъективного права вообще: гражданское субъективное право может включать в себя обязанность его надлежащего осуществления, а может, в других случаях, и не включать этой обязанности. Четкое понимание всех этих моментов, на наш взгляд, должно отразиться и в законодательстве и в частности в юридическом регулировании отношений представительства.

// «Тұран» университетінің хабаршысы = Вестник университета «Туран». – 2001. - № 3-4. – С. 92-97.